

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВЕЧЕРНЯЯ ОДЕССА

ОРГАН ОДЕССКОГО ГОРКОМА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ УКРАИНЫ И ГОРОДСКОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ.

№ 209 (544)

ПОНЕДЕЛЬНИК, 10 СЕНТЯБРЯ 1990 ГОДА

ГАЗЕТА ИЗДАЕТСЯ С 1 ИЮЛЯ 1973 г.

ЦЕНА 3 КОП.

Наши выпускни на кинофестивале «Золотой Дюк-90»

ЗОЛОТОЙ ДЮК

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ОБЪЯСНИМСЯ...

Мы планируем вспустить семь танков коммюнистов, как этот.

Не много ли?

Если вспоминать, что во время первого фестиваля «Золотого Дюка» мы подготовили десять выпускников, то даже мало.

Да, скажите же, но тогда это были авторские выпускники, специальные, так сказать дополнительные и газете, а сейчас — газета! Радио...

Праздник. Мы в этом году собирались поступить, как раньше. Уйти Полиграфический комбинат нашего издательства танками, что осилить дополнительную нагрузку ему не под силу. Поэтому пришлось поступить на этот вариант, т. е. наконец-то газету на целую неделю на кинофестиваль.

Нам говорят: «Что, в Одессе все кинофильмы? Разве люди им интересуют другие проблемы? Разве им интересны мы освещать жизнь, ее всем ее многообразием?»

Нет, в Одессе не все коммюнисты. И если бы ранее все были коммюнисты, люди не перестали бы заниматься и другими проблемами. Но «другие проблемы» — это инь-янь в одесситах не надо забывать в том, что жизни во всем ее многообразии — счастья, захватывающие приключения, увлекательное наслаждение чтивом.

Но я думаю, что одесситов не надо убеждать в том, что никто, кроме их самих, не пишет о высокой решимости города.

«Золотой Дюк» — фестиwal, в котором так много говорилось в прошлый раз, теперь он оказался брошенным на произвол судьбы. И в последние, и в начальных инстанциях от него постарались избавиться. Не до него-да, видность заслуги.

Так что жив, и мы относимся к нему так же? Давим певод сообщений о нашем «Золотом Дюке» на якобы какой-то бойстроне?

Не будет того, что было в прошлый раз. Не будет ни Марчелло Мастрояни, ни Никиты Михалкова, ни короля после полуночи ни бутербродов с красной икрой, ни штогоческих, стал частично одетых, крутоуборных юных красавиц, ни дяди Степана Гаворушки, привидевшегося в кисловоду, что так жить нельзя, но места встреч не без благословения пиратов XX века поменять можно, тоже, кажется, не беда.

Но Одесса остается. Мы оставляем.

А с нами и вся история нашего города, все люди, которые что-то для него сделали и которые пострадали от него.

Я не случайно сказала об истории. В выпусках «Золотого Дюка» мы напомнили хорошо и вследствие повсюду...

Видите, не буду рассказывать о соревновании наших выпускников. Что за споры, если они разглашены?

Давайте хотят, на неделю позвольте нашем душам расслабиться. Но давайте же будем забывать, что совсем расслабляться нам нельзя. Грядет зима, и мы и наш почти не готовы. Грядет рывок, и мы и наш тоже не готовы — не почти, а совсем.

Так что завтрашний «Золотой Дюк» и на завтрашней работе.

Добро пожаловать!

Эти снимки наш фотокорреспондент Михаил Рыбак сделал в Одесском аэропорту: Вера Сотникова, Ролан Быков, Евгений Жариков.

КИНОДЕСАНТ

Когда к борту ТУ-154 подняли два трапа, первым, как и положено, на землю вышли коммюнисты поработы. Как оказались, мы это знали. Благополучно спасли из Бухареста до Одессы привезли... Ролан Быков.

Написав эти фразы, мы решали нулевое предупреждение ряда телефонных звонков — это шутка. Шутка возможных и недавленных. Но все же первым, действительно, буквально выбежал Ролан Быков и тут же стал лягушачьим на звонок окружавших его коллег-корреспондентов. Никогда издание интересовалось тем, чем интересовалось. У нас для разминки и гостей был один вопрос: «Что вы хотите увидеть в Одессе и что на кинофестивале?»

Кинодраматург, кинорежиссер Ролан Быков:

— В Одессе хочу увидеть свою любимую Одессу, какой она стала сегодня. А на фестивале меня ждет (надеюсь и остальных тоже) события огромной важности — премьера первого фильма Всеобщего центра кино и телевидения для детей и юношества «Золотая шапка». А первыми зрителями 9 сен-

тя станут воспитанники детских домов — это наша принципиальная позиция.

И еще мечтаю побывать на одесском топке. Считаю его одним из главных концептуальных залов страны.

А дальше началось то, что в молодежном языке называется «тусовка» (для людей старшего возраста — община). Вот тут-то мы и поговорили с гостями.

Кинорежиссер Геннадий ПОЛОДА:

— Одесса — великий город. В него машина возвращается на год в год, ходить по любимым улицам — таким, как Дерибасовская, Греческая, и ощущать, что ты среди добрых веселых людей сам становишься добре и веселее. А фестиваль, очень хочу надеяться, покажет, что мы уже выползли из времени «киночарку».

Писатель Анатолий ПРИСТАВКИН:

— В Одессе хочу увидеть Одессу, такую, какую помню, быть может, ставшую еще краина. А на фестивале — хо-

рошее фильмы, ведь для этого, прежде всего, он и был организован.

Кинодраматург Аркадий ЛИВАНОВ:

— Кинофестиваль должен быть не ниже того уровня, что был в прошлый раз. Помните, как учил Лев Толстой: нужно брать выше по течению. И убежден, что в Одессе есть для этого силы. Убежден потому, что знаю Одесскую кинокомпанию. Ведь это и моя студия, где я неоднократно снимался.

Писатель Борис ВАСИЛЬЕВ:

— Жду от фестиваля и Одессы исправности. Если пройдет нынешний «Золотой Дюк», как и в прошлый раз, — будем очень хорошо. Если пройдет еще лучше — будем просто счастливые.

Кинодраматург Вера СОТНИКОВА:

— Это мой первый фестиваль в жизни. Представляет ощущение человека, которого впервые официально приглашают на кинофестиваль в Одессу и уко-

МОНОЛОГ

«...УГОЛ РИШЕЛЬЕВСКОЙ»

Вчера ЭТО состоялось.

На Ланжероновской улице Ришельевской, в нашем оперном театре, все помнили кого-то кому сказали, на так и не теряют своей актуальности и привлекательности.

В 19 часов по одесскому времени.

Собственно, в кинематографической индустрии ушло несколько лет, мне думается, отсчет идет по одесскому времени — сначала со временем «Одесской Актерской», потом — со временем «Золотого Дюка-88», и вот теперь — снова праздник, и снова на нашей улице, и снова гости и друзья отовсюду.

Что сегодня говорить о том, как недостоинство было на сей раз — это, пожалуй, уже общизвестно.

Давайте же — о другом.

Давайте — о празднике. О празднике, который мы задумывали и готовили для всех нас и для вас — для Одессы и для одесситов. А значит, и для всех тех, кто становится, пусть и временно, на неделю всего, одесситами — но становится же!

Вот и приземлился спасатель ТУ-154. На праздничный вечер уже раздвинуты пригласительные билеты на торжественное открытие. В институтах и других фестивальных залах, по предварительным данным, складывается [то, но слышать бы] чуть ли не аншлаг.

Одним словом, отмечать праздник у нас поздно, да и это же станет отменять праздник!!

Одесский кинофестиваль «Золотой Дюк-90» открылся вчера.

Недавно мы проинспектировали, или привык говорить, из-за грядущего стресса. Под грядом фильмов и в сиянии звезд Юнона и Юнонки. Потом нас будут ругать или хвалить — посмотрим, что загадывают.

А пока — мы начнем.

Юрий КОВАЛЕНКО,
Генеральный директор
Фестиваля.

9 сентября.

бывала — снималась у Виннича в фильме «Буг-зак». Так что люблю этот город. И раде, что на фестивале должен быть показан фильм В. Дербенцева с моим участием «Охота на супермена».

Кинорежиссер и киноредактор Евгений МАТВЕЕВ:

— В Одессе я хочу увидеть себя и одесситов в обмороке от восторга перед красотой и силой искусства — это особое волнение. Ведь я родился в Херсонской области, когда-то он был частью Одесской области. Так что я принял участие в фестивале в 30-х годах.

— Заместитель главного редактора журнала «Мировое кино» Жу ЖУН и президент ассоциации киноведов Китай Цо Бо ЧУАНЬ:

— Мы оба впервые в Одессе. Мы оба очень много читали и слышали об

[Окончание на 8-й стр.].

ЗЕРКАЛО

Независимая киногазета в гостях у «Золотого Дюка»

КИНООБЗРВАТЕЛЬ «ВЕЧЕРНЕЙ ОДЕССЫ» СТАЛ РЕДАКТОРОМ «ЗЕРКАЛА»

МОНОЛОГ ИЗ ЗАЗЕРКАЛЬЯ

Странный заголовок для статьи, знаете ли вы? Его бы прибречь для «сатирической рубрики» Верно... Но обстоятельства, сопутствовавшие появлению «Зеркала», не заслуживали «хэдзингерований», если хотите. Да и будущее не спешит...

Ведь у «Зеркала» не было и нет ни помещений, ни телефона, ни транспорта, ни пишущих машинок, ни типографии; ни денег на счетах; ни леспромхоза, чтобы рубить деревья; ни фабрики, чтобы превращать их в бумагу... — ничего кроме изнанкиности, которую в таком сценарии невозможно потерять.

Секретариату СН СССР понадобилось пропагандистское выполнить соответствующий путь разъяснения прошлого инновации (в газете) «партизанским методами», не добиваясь регулярного материального снабжения задуманного предпринятия. И хотя при нарастающем дефиците бумаги этот путь выглядел чистей-

шей изнанкой, номер — перед всеми, Надежда оправдывалась. Теперь осталось все-таки досягнуть в СССР, что под новым названием и в новом качестве возрождена старая газета, прав на которую у кинографистов не меньше, чем у СССР на «литературную».

Уверен, мы дублируем своего. Слухи о бумажной катастрофе начнутся мне искусственно преувеличеными, так как не раз предлагали склонно угодно бумаги, но по людским, демократичным, целям. Опираться, судя по наглости корбейкина, совершенно для них бесполезно.

Этот номер «Зеркала» мало похож на традиционную газету. Ни оперативной информации, ни пульсации больших и малых, внешних и второстепенных материалов; ни сосредоточенности на одном, наиболее крупной проблеме недели. Сделано это вынуждено. Идея осуществления «нулевого номера» для газеты вообще ненормальная и, как мы уже поняли, возможна только из-за неопреде-

ленности перспективы. Газета как информационное и мрачественное целое уменьшена лишь в фиктивном звуке поддерживавших и метафоризующих друг друга выпусков, которые — все вместе — составляют своеобразную стемограмму реальности. Вызванный из исторического временного потока, не имеющий ни прошлого, ни будущего, но свойственный по обычной газетной программе, «нулевой» номер, наверное, оказался бы явлением нелепым — поверхностным и однобоким. Поэтому-то и была избрана журнальная модель, скрывающая проблемами, аналитическими публикациями достаточно широкий диапазон тем, которые будут интересовать нас всегда.

Мне не раз в последнее время задавали сурьиные вопросы: «Насколько газету вы собираетесь делать? Общественно-политическую? Но зачем она нужна кинографистам? Чем будет отличаться от «Московских новостей»? В чем вы видите ее «的独特性»? Кем будет разница между ней и, например, «Гардиданом»?

Что тут ответить? Дескать, от «Гардидана» газета будет отличаться тем, что, чем выше фильмы — от картин Бори Фокса! А если не изобретать попыток? Неужто нельзя и допустить, что может появиться еще один журнал, ориентированный на кинематографическую аудиторию, или газета, предназначенная тем же, что читает преимущественно «ЛГ»? Точнее, что этого, по-моему, вынуждены на свой счет во «Вагриде» А. Борин: «Цуск» тоже один, а гардида разные. Согласитесь, вся штука не в тиражированной «специфике», а в кирзоводчинской позиции издания, которая может резко отличаться от возвышенных других; в индивидуальных особенностях мышления и языка обозревателей; в интерпретации проблем, однажды владеющих «воображением» журналистов и читателей; в уровнях раздобытия информации, которой больше ни у него нет, и подать ее так, как иные и не склонны в этикетах новых сюжетов, имен в прогностическом культе; в способности выделять и глубоко, склонно исследовать новые социальные тенденции и т. д.

Почему «Зеркало» не будет ли первым по вершине поспешно именем? Да потому, что узнаваемостная газета сегодня никому не нужна. Это политизирован. Не замечать этого глупо. Газета должна существовать в моменте для, размышляя в том числе и о причинах плачевного состояния современного кинематографа. Культурный кризис? Конечно. Большой блок киноматериалов? Всевозможные. Но и — политики, и социологии, и экономисты, и право, которые, кунастественно преображенными, обращаются в эскапе изнанки искусства.

Однако все сказанное ровно ничего не значит, если нам не удастся сделать такую газету, какой она заявлена на первой полосе: если в диалоге с вами мы не сумеем быть предельно честными. Не гласности ведь нам всем нужны, а свободы слова. Не для дядечек нам художественной демократизации и мечтаний. Не дизайнерская информированность нам требуется — мы, никак литература — совершили попытку самоисключения на площади этого, по-видимому, что когда-то работал и не ладил с женой Ильи такого не привозят в Москву, чтобы всплынула фамилия на площади Революции; а если полнота информации: что это был за человек и что им руководило на самом деле?

Мы относимся к печати как к полноценному демократическому институту. Это главное условие достойного участия газеты в создательном процессе перестройки. В противном случае не стоит и начинать.

Валерий ВАРАНОВСКИЙ.
Редактор.

вернуться и начать смотреть юношеский.

Л. Богорад: «Нас много тогда, когда мы все разные. Не тогда, когда все, как один, поднимают кудни и что-то кричат горем. А когда каждый сам по себе — тогда мы приобретаем свободу и возможность жить».

Режиссер фильма призывает, чтобы время работы надnim вспомнило группу получила такой заряд энергии, такой интеллектуальный заряд...

Как эстафетную палочку, фильм передает этот салютнейший пард приятелям. Но, странное дело, это не сила привычки: счастья и любви. Герой фильма выходит на площадь не для того, чтобы что-то свершить, она выходящий, чтобы сказать правду. Они сделали первый шаг, чтобы мы смогли разобраться в самих себе.

— Я род в благополучной семье, и был, пожалуй, слишком послушным сыном своих родителей. Мама плакала, уговорившая дома были скандаль: «Тебя выгонят из института. Тебе ведь дальше некуда». О себе не хочешь думать — с нас подумай. Что мы тебе такого сделали? У меня просто не хватило порту выйти с пизи на площадь и даже выступить на собрании. И мог только выплыть за успех дела с друзьями.

Какая сила после фильма поднимала людей с мест, заставляла говорить такое? Люди ощущали порывы вырываться, обсыпаться, если не сказать дальше. С этого, пожалуй, и начинается всенародное извращение, а затем уж и национальное прискорение...

Фильм о котором идет речь — в строгом смысле не художественный, хотя в нем есть и игровые эпизоды, и лирический герой, от лица которого ведется изъяснение... Но моментах этого очень сильный фильм поднимается до уровня высокого художества. Он прекрасно снят. Один лишь штрих. В фильме имитируются фрагменты из спектакля «Московские кухни» по пьесе Ю. Когана, который идет в театре — студии «Третья напричина». Где, это смотрят эти спектакли, думаю, согласятся: там есть пуски совершенные с точки зрения искусства — лучше, кажется, нельзя. На письме они — лучше...

О «Диссидентах» можно говорить очень много, каждый из его героев — особая тема...

Чтобы завершить этот материал, мне остается сообщить выходные данные фильма:

«Диссиденты». Автор сценария Владимир Батшев. Режиссер Григорий Изугдзе. Оператор Анатолий Антонов, ассистент режиссера Татьяна Рудаковская. Творческое объединение «Колодезь» «Центрalfaильм».

Евгений КУЗЬМИН.

РАЗГОВОР НАЧИСТОУ

ДИССИДЕНТЫ КОМУ УДАЛАСЬ ЖИТЬ?

ПОСЛЕ ПЕРВОГО ПРОСМОТРА
ФИЛЬМА В ДОМЕ КУЛЬТУРЫ МАН
ТРИ ЧЕЛОВЕКА ПОДНЯЛИСЬ НА
СЦЕНУ И, ПОСТИН КАСАРСЬ ДРУГ
ДРУГА, СЕЛИ ЗА ОДИН МАЛЕНЬКИЙ
ЖУРНАЛНЫЙ СТОЛКИ — ПОЛИНОВНИК
И КГБ, ЖЕНЩИНА — ПОЛИЗАПЛЧЕННАЯ
И АДВОКАТ, ПЫТАВШИСЯ
ЗАЩИЩАТЬ ДИССИДЕНТОВ.
«ВОВОЧЕТО ИНТЕРЕСНО, ЧТО МЫ
СИДИМ ЗДЕСЬ РИДОМ», —
СКАЗАЛ, УЛЫБАЯСЬ, АДВОКАТ. ОНИ
ПОНЯМАЮЩЕ ПЕРЕГЛЯНУЛИСЬ
С ЖЕНЩИНОЙ, И ВСЕ В ЗАЛЕ
ЗАУЛЫБАЛИСЬ ВСЛЕД ЗА НИМИ.

Последние КГБ говорят об «осиротевших миссиях подразделения инженерии», которую выполняли органы безопасности, о теории «нейтральности», разработанной ведомником Свежевозским в его учениках для «юридического» обоснования психиатрических репрессий против правозащитников. Согласно этой теории, советский человек в эпоху развитого социализма не имеет вида испытывать радость и гордости за свою страну, уже почти насторожившую коммунизм. Если же такой душевный перенос — особыя форма шизофрении, таких людей надо лечить в приудильторном порядке.

Женщина, у которой в лагере умер муж, сама прошедшая через тюрьму и

смогла сказать, что диссидентское движение не было во сущи ни демократическим, ни политическим, что было движение «своего мышления». Она сказала улыбнувшись — на сей раз тому, что воспользовалась терминологией нового руководителя старой партии, употребившей ей такую иниц.

Адвокат, исполненный из коллегии адвокатов и из партии за то, что осмелился войти против Систеки, сказал, что никакого особого героя он тогда не проявил, так как был защищением всего лишь за одного политического процесса — просто исполнил свой профессиональный долг.

Полковник КГБ рассказал: после того, как он выступил в «Особые» с разоблачительной статьей о деятельности организаций, в которых прослушивались 27 лет, старые знакомые перестали приходить в нашу домой, звонить, из, встретившись случайно на улице, признавали, что поддергивают его. «Я убоялся», — добавил он, — что скоро вы услышите более вспомогательные слова от сотрудников органов».

«Мы хотели, чтобы вернули нового мышления, которое было в почве наше, не погибло — проросло», — пояснила женщина, жизнь которой изменилась только за то, что в 68-м, после инцидента с танки в Праге, она и еще шесть человек осмелились выйти на Красную площадь с самодельными плакатами. Но здорово, что ей больше всего удалось в жизни, она отметила: «Я думаш, мне удалось жить».

Адвоката спросили, чувствует ли он на себе давление государства? И он, избранный сегодня народным депутатом, сказал: «Нет, сегодня мы законоиздатели».

«Для меня и, думаш, для многих, что слушали этих троих, сидевших рядом после просмотра фильма, в котором они были героями... — фильма в внутренней свободе, о преодолении страха, — это стало еще одним свидетельством того, что страна выздоравливает, еще один надеждой на то, что народ наши все-таки уже не вер-

нется на путь взаимной ненависти и самоистребления».

Читатель, пожалуй, догадался, что и подтиктчиная, и поклонники КГБ — «былины». Лариса Богорад — и частью, а Ярослав Карлович — пожарное, все-таки и сонялению: мы ведь не заем совсем, сколько таих, как он, сегодня в органах подозрительности не собираются ли там по-прежнему антагонисты, которые мы рассказываю друзьям и сослуживцам.

А Борис Зодотухин сегодня снова адвокат.

И все трое на свободе — в прямом и переносном смысле.

Андрей Синявский говорит в этом фильме: «Диссидентство начинается с процесса парижского и самостоятельного, без подсказки государства, думаш... Это прежде всего интеллектуальный процесс — диссидентство... Но к нему присоединяется и креативный. Диссидент ощущает, что, если он будет думать и не будет говорить, он погибнет в тех преступлениях, которые произошли и происходят».

Крупным планом в фильме протодает то, что первыми ощущили себя люди, благодаря кому и мы сегодня имеем возможность находить себя в этом качестве. Высланные, уехавшие, оставшиеся... Всюду живые. А за ходом остались еще очень многие и единицы мышес.

Этот фильм о тех, кто шел напротив, прямым путем и свободе и к истине, о тех, кто с автомобилем стоял на этом пути. О тех, кто помогал вырваться, и о Систеке, все делавшем, чтобы люди домались. Правда отчаянных единиц и тотальный диктат тупости, круговая порука зла.

Это фильм о том, что не только они бросали нас в лагерь, а и мы сами бросали себя в лагерь. Но вот вопрос, который не произвучал с экрана: «Сегодня мы — другие?»

Я Карпович: «На суди дела, большинство из нас ходило выше головой, в ногами вверху. Не так просто пере-

ОСОБАЯ ТЕМА

ЕСЛИ СКАЗАТЬ ПО ЧЕСТИ

В наши дни распространено и охотно подходит уверенность в том, что граждане тридцатых годов и послевоенных лет не знали об ужасах Лубянки и концлагерей. Не знали о мучительствах и пытках.

Как человек, отмакавший наш авт с начала и до конца, могу заявить: это не так. Честно? Знаю. Еще честнее? Недаром в подробностях, пожалуй, за исключением тех, что назались «изворажениями».

Знали и говорили друг с другом об этом, добираясь порой даже к сумдемам в Власти. Или во всяком случае, к окрестностям Власти. Но шепотом. То было время школы, Артистичной школы. Мастерство прищептывания. Оно еще экзит свое исследователей и расшифровщиков.

Весьма даже повязанное, упакованное, обернутое шифольярскими этикетками, обреченнное на постоянное засекание, искусство тех лет (нынче во многом сваленное на антисоц) вспомнило сложнейшие мастерства инквизиции, начиная с многоизначений, когда читатель (зритель) видит смысл призыва знакомого и позволяющего нечто такое, что совсем необично и никак не разумно. Он просачивался много раз для того, чтобы никого, что читателью (зрителю) душевно знать. Искусство (или тараканы суть) таинствовало и в те времена туда, куда спрятано загадочно гимнуло. И да, было, доигрывалось. Ну, не совсем, но поблизости. Где-то под боном, Рядом. Почти.

Это было смертельно опасно для автора. И приемы, и способы, какими искусство в те годы обогащало эту опасность, достойно глубокого изучения. Конечно, не менее пристального, нежели то, что отлучилось за рубеж и возвратилось теперь с триумфом на родные просторы.

В целом же это было пора горячо одобряемых и энергично вводимых в читателя малосильных романов и драм, впередешку с блестательными вспышками отдельных творческих, с трудом проциклированных нарушений. Глестое, ступидное, разношерстное время.

Именно тогда обстоятельства привели меня к работе в кино.

И вот, как близкий свидетель тех лет, могу утверждать, что среди движущих сил Истории, установленных академиями наук, искусств и марксизма, выпала из академической видимости tandem ster. Женевы и даже решавших пружинки, как страх. А ведь для прояснения сложных загадок, таких, посуродчики непростой нашей жизни надо прежде всего уяснить себе все значение страха. Всю всеобщность повальности его. Страх, который проник во все щели, бреши, сутки, рукоходил убежденнями, управлял министерствами, контролировал речи, научил генеров, завоевал дипломатами, прокурорами и работниками ЦК.

Это он научил беспримерный народ умению притворяться, изображать добросовестность, имитировать правду, всегда, даже в шелпанцах, быть как на сцене. С утра и до сна шел спектакль. Играли единство, понорность, аллюдименты, внимания к человеческому, доброту, милосердие, благородство. Изображали восторг и счастье. Страх создал поводки начальствования; вдохновил небрежность, тучность мыслей и энтузиазмов. Не стало на воры, ни дружибы, ни преданности без страха.

Да и теперь, если спросите меня по совести назвать то, что препятствует перестройке в бы (если сказать по честному) первым номером назвал страх. Страх, как бы перестройка не зашла слишком всерьез, за пределы насилийныхласт и пламенных заявлений.

И ведь то-то неизвестно расширилось в наши дни рамки возможного для оглашения. Да же по телену теперь спышишь то, к чему, навязав на все ушишки, нельзя было прикоснуться. Можно открыто говорить, писать и даже начинать о расторах, тюремщиках, взяточниках — министрах и проворовавшихся представителях, вершинных особ. Пряда, не очень понятно, до каких высот может и теперь можно доходить. Мне кажется, что и сами высоты пребывают

здесь в некотором недоумении.

Стало кристально ясно: не по сердцу гражданам все эта начальствующая рать с ее набинетами, недоступностью и специальностью, все эти урганы бумаг, разложий, лакомства и высокомерия, эти речи с азартом бесцветных трибун, осенних тюльпанами.

Не тем ли, искать сказать, объясняются некоторые результаты прошедших выборов?

Двести лет назад наш человек в условиях, когда все решалось помимо него — от войны до инструкций о том, что полезно ему и что вредно. Начальники, директоры, герои, предатели — все это воспыхивало ядро и спускалось к нему индивидуально-нагадыванию. Откуда они — те, кто командовал? Кто они? Почему эти, а не другие? Никто, кроме грядки, на которой они расцвели, толком не знал о них ничего. Потом они исчезали столь же внезапно. И вновь не знал о них ничего. Были и нету. Где они?

И еще раз: не этим ли прежде всего объясняются победы не многих выборах тех, кто безнаказанной и снегом требовал выбить борократов с их лавиц. Высверлить их. Отстранить от рулей.

К тому же мы не вполне уяснили себе феномен перестройки для гражданина, который годами привык к тому, чтобы подчиняться не только высоким пленумам, но каждой строчке в районной газете.

— Как? — спрашивал такой прирученный гражданин. — Знают, я могу говорить то, что думаю?

— Говори.
— Подвергай сомнению!
— Подавляй.
— Критиковать предсвомимне?

— Контигн.
— И даже...
— И даже...

— Ладно, слыхали! — говорит мне прирученный — Остин. Понимали и возвращаются. Говорить — говори, а дай, как делал... Знаешь новость? Димитра Метелкин расплескался с жизнью!

Вы возразите — мало таких, кто в наши дни забыт женой Метелкина больше, чем государственными дамами. Ничтожно мало. Ну, что ж, значит, моя беда в том, что я их встречал за каждым углом. Правда, по переулкам.

Это во-первых. Первая закончина. А вторая в том (самом простом), что теперь за все, вреда бы, придется рассчитываться самому. Своими ногами. На государственных, в кровяных. За бездели — кровяными, за залоги — кровяными. И даже за перекуры. Прежде, в застойные (счастливые) дни, можно было всю жизнь играть в усердие, трудолюбие, добросовестность, перевыполнение. И игралки спектакль, который длился годами — от пропускных будок до воротящего кабинетов внизу, вверху, скобу. Всюду пестрели люди, которые знали правила, тонкости и суть этой игры. Уставы условий и перевыполнения.

А теперь и вправду, как кажется, надо выполнять. Действительно (не на общие собрания) переживать, если плохо. Не приписывать. Жить без краин и регуши, своим риском, карманом, энергией, предпринимчивостью. Отвечать за все... Ну, с этим, братцы, надо прибывать. Подногововать. Особенно со своим карманом. Понесись в затылок.

Это во-вторых.

А в-третьих, мы не учли, да и неподвластно представляем себе до сих пор, какой силы пласт предстоит сломать перестройку.

Это вовсе не анемичный, малокровный, слабый командующих, начальствующих, рвущихся чинов и блага — это гигантская сплошечность, спаянная монолитной мощью со своими обычаями, владениями, связями, духовным и нравственным строем и даже с надежной и стойкой генитикой. С наложенной хизией, пропыканной, с несметными отвагами, приерогами и поэтами. С непостижимой способностью притираться, приладиться к любым новорождатым мысли, пронизая, судьбы. Кинуться ко слову Нового, воздвижать, вознести тех, кто бьется за перемены и снова в минуту кинуться вспять, дабы расправиться с теми, кто бился.

Это сильный могучий, упрямый и многоглавый раздробленный перестройки. С ним трудно все справляться. Это глыба.

Сказать по-честному, глупо, наспех расписаный не глязом оказался народный, психологический, внутренний путь от коммунистического к моральному, к тому, что в нем язвы. Мы вросли во все власти государства, в его всевладение, в то, что оно отвечает за все. За калитки, складки и мир на земле. Оно знает, как тебе жить, работать, думать, относиться к семье, как вести себя дома, за столом и в домашнем кругу. Знает, что истина, что истина. Оно видит все, понимает все, и если и усомнится, то сколько вокруг доброхотов, что тут же подскажут!

И вдруг выясняется, что хозяин — не государство, а Я. Внезапно и страшно я должен решать все сам. Постановлять себе сам. И даже убиты по производству, продаже, сбыванию принять на себя. И все неудачно сработанное отразится не в рапортниках и вedomостях, а на моей собственной шкуре.

— Нет, парни, так на пойдет! Давайте по-прежнему, по-государственному. Вы хлопочите, утаскивайте, ругайтесь, а мне зарплаты положены — ее я подай! у нас социализм.

Я не согласен с высокими лицами, которые гвоздят, что все у нас изменилось. Да, странулось, но пока недавно. Тут же рядом, плечом к плечу. Митинг — показуха, но с разрешения кандидатов. Будь демократом — изволите, не приязнь с начальством.

Вы спажите — это не так. Нет, это так. Я слишком многое повидел, чтобы не увидеть то, что мне хорошо знаю.

Самое удивительное в истории моего времени — это привычка масс к поворотам, которые сопровождают не всегда ли не полную экзизы. Но разве не доказал тот же венец своей кровью и легерами, что эта легкость всего лишь видимость. Да ведь и мысы — всегда на то, что мы годами именовали мессами. И восторгались монолитностью и единствуем из.

Массы — это слияние, соединение и отталкивание людей, каждый из которых есть необычность, неповторимость, личность. Перестройка нужна не глыбы, которые покоряются на любой глаз по инженерию тех, кто властен. Нужны личности. Смелые, энергичные, решительные, борющиеся за себя труд и ответственность, достижения и пропалы. Те, кто отваживаются дерзать, рисковать. Тот, кто осмеливается себе постановлять. И постановщик — выполнить.

Мы сделали вправду колоссами в работе, мыслях, вкусах, поступках, движении дворцах браносчетания. Всюду мы живем указания и с надеждой вглядываемся в передовицы газет — дань ли уже команды или пока еще нет? Мы как бы пункты похвального поединка в правилах уличного движения. А ведь и решительное, новое возникнет вне правил. Поведя каноны. Иначе — глухое время. Мертвый сезон.

Недаром уже и на перестройку налило немало грязного: дожь, показуха, прилиски, заиньство и фальши.

Массы были главным героям в нашем искусстве, когда я начинал работать в кино. Борьба масс, никогда масс, глыбы масс, неизвестность и победы масс. Все остальное, личное, преображенное искусством в единичность, нескладность разброс, рубились напрочь. «Жалюй мирион!» — говорили нам. И не только начальственные басы, тут были и баритоны и теноры. Хором. Во всех институциях.

Ниша борьба, битва нашего поколения в экранном искусстве, была схваткой за отделенного человека. За покоя его не только в цехах и в победах, но и в семье, в заботах, пище и детях, в невздаче любви, в груди, сомнениях, во всем бесконечном, бескрайнем и скрытом от не слишком пристальных глаз. Во всем, что есть человек.

Хотя, конечно, и фабрики были крайне желательны. Как это не странно теперь, но это было днепропетровская борьба, Базальстная и отчаянная. Бессмыслица множества управляемых и руководимых поднимались в штыки всяких раз, как только автор, бледный от собственной смелости, отвлекался в любовь, поцелуй, личную пристрастие, чистые душетерзания, обходя производственные и мирные автодороги. — Обызвательница! — говорил редактор о поцелуях. — Мещанство! — говорил он про грусть. И сколько бы автор ни бился, повествуя о пронзительной силе печали, начальство внимало поцелуям и разело грусть. Все это шло на пользу. Лежало долгие годы. Правда, как выяснилось, в довольно пристойном виде, охранявшее от сырости и перепада температур.

И конечно, немыслима была лента, где упускалось значение Партии. Хоть мильком, хоть мимолетно, партия должна была быть отражена. Я знал Фильмы, где для того, чтобы реализовать это требование, герой просто-напросто вне всякой связи с союзом и действием заходит в компанию, не двоех которой виднелась тибетичка-партийка. Это считалось умеренным, но все же явно недостаточным: пусть паркомнаты пройдет всего лишь табличкой, но он должен и настиче существовать. Отстать в глазах. Жизнь допускалась на экране, но

только с лартнейшим включенением. Борьба «Мэйз» «Краснокардников» в ее многострадальном генезе состояла в том, что они первыми стали трогать этот катарис, предираться в личному. И членами, отдельно от масс. Всё это интересовало зрителя (и чем дальше, тем все лучше) не только то, что делает пополам поучительным и наглядным, в именно то, что отличает его, выходит из привычного, утвержденного и одобренного. Из гледокрашенного и типичного в беспредельность.

Кстати на мой изумленный взгляд, не, кусочек не должно заниматься типичным. Типичное для данного времени может быть обнаружено лишь на редких примерах, вдогонку открыто. Все дальнейшее обычно — лишь варианты того, что открыто: сперва живые, потом все более недоведенные, омертвевшие, привыкшие и, наконец, извращающиеся в трул. В начале задолбанный до скуки. Вот тогда-то оно и обнаделяется типичным. И охраняется краупом.

Однако не то, чтобы утвердить эту истину, уходящую годы — те самые, когда активно, сбываюсь и сновавшие, трудились киношники мои явили. Пусть они возводятся сполна за наши грехи, но не забывайте и то, что все такие это мы прорвали безличность и обнаружили, что среди гармонических глыб дышит, ридуется, мучится, вспыхивает, любит и помирает отдельный человек, который — плох он или хорош, крот или друг — все же свою сплошную и удивительную и необычайную из всего, что существует на свете.

В последнее время это, пожалуй, уяснило. Открылась беспримечательная эра. Все сюда для искусства распакованы. И драмы, конторы, подвалы, кладовки. Естественно, что первыми сквозь склоны хлынули — и с огромным успехом — сюжеты о взятках, убийцах, ловчих, проблемах и загадках секса. Надо ли наслаждаться над этим успехом? Никако. Он закономерен: прекрасно, что нас, наконец, перестали считать идиотами.

Но значит ли, что этим исчерпываются все возможности для киноискусства, которые принесли перестройке? Следует ли экрану (кроме коммерческого) и дальше следовать этим путем?

Да попагаю — все-таки нет, надо продолжаться.

Разберемся. Долгие годы главным героем экрана был власт. Или, если он оставался за кадром, Благородная, мудрая, всегда побеждающая. Моя поколение в кино привыкло было воспринять Власть. Святость Власти строгий, но справедливый, Лисский, но карающий. И неминимо непримиримой и все нахваивающей в звездоночках фильмов. Без этого не могло существовать ни звезды, ни актера.

Задача искусства Была ясна и неоспорима — воссияние государства, его святости, дальновидности, умения управлять, строить каналы, заводы, города, истреблять врагов, раскрывать вредителей, растить урожай, передавать чрезвычайка. Отсюда происходила еще одна задача, свившаяся на моих киносверстников: покоз положительного героя.

И только художники, если не пригряз, никак не мог его увидеть, поймать на перо и пленку. Он рождался бесцветных и недоношенных, хотя роды происходили в самых стерильных, пристижных родильных залах. Может быть, именно потому, что был положительным и как раз таким, как на нем настаивало начальство. А ведь истинно положительные являют собою далеко не одни достоинства. В нем полны-полно перестройки, разнобойного, ритмичного, колдовин, наявом нескладных (и часто необъяснимых) поступков и чувств. Но едва автор пытается не только что показать, но даже намекнуть на неизвестность, сумятицу и неполную праевность тех, кто по правилам нашей поэзии обязан был быть примером, как без здирки складывается то, о чем вспоминать нечего. Между тем, как раз именно эту неизвестность, неизложимость, сомнения, нерешительность в Попожительном и спешит показать искусству. Особенна в дни перестройки. Это будет и привод, и современность.

Искусство времен перестройки это, конечно, не только обрывки синтаксиса и разоблачений, но, в основном и главном, — пристальный, честный и умный анализ перестройки БЕЗЛИЧНОГО в ЛИЧНОСТЬ. От долгой спаски — к разбуженному общественному сознанию.

Евгений ГАБРИЛОВИЧ

стр. 5

КИНОДЕСАНТ

(Окончание.
Начало на 1-й стр.).

в этом городе и хотим, чтобы наши литературные впечатления подтверждились увиденным. А фестиваль нас интересует как опыт, так как и мы в Китае проводим свой кинофестиваль и нас интересует — как это делается в Одессе.

Президент кирилловских киноветров Евгений ЖАРИКОВ:

— Я был в Одессе совсем недавно, там что вполне реально представляю себе, что иду. Одесса оказалась островком, которого не коснулись будни нашего времени. Это видно и по памяти магазинов, и по Привозу, и по лицам одесситов. Одним словом Одесса живая, и за это ей спасибо. А от фестиваля жду расширения сотрудничества с нашими коллегами фестивалем «Созиадия». Мне кажется, это явно же фестивали, которые могут помочь нашему кинематографу оставаться живым искусством.

А потом гости, на снимки фестивальных канотов, разъехались по гостиницам. Мы предстояла ночь отдыха перед бурной фестивальной неделей.

В эти дни в Одессе

ПОДАРОК — ДЕТИМ

Недавно в Одесском горсовете побывала делегация из финского города-побратима Оулу. В дар Совету гости привели великколепно оформленные работы художников Финляндии — наображение истории развития парусного флота.

Председатель горсовета Б. В. Буринский принял решение — передать этот подарок в Институт медицинской реабилитации детей с поражением центральной нервной системы имени Яноша Корнана. Потому именно в это почтобное заведение. Потому что приобщение детей к рисунку и живописи, в нем можно уединиться сейчас на Благотворительной выставке рисунков детей в Одесском литературном музее, стало одним из начальных методов в работе сотрудников института.

В небольшой комнатке, одной из пяти, снимаемой институтом в санатории им. Чуцкого, передал Б. В. Буринский подарок. От имени всего коллектива, в разработке здесь около 20 человек, поблагодарил городской Совет научно-методических руководителей института, директора медицинских наук И. В. Галина. Правда, пока эти великколепные рабочие дружине некуда выгнавшивать, так как практически нет мест. Чрезвычайно нужными для города институт работает в узкоспециальном, а не универсальном. Но сам факт этого дарения говорит о том, что Совет думает о судьбе института, о судьбе больных детей — и показывает надежды, что для этого лечебного заведения будет найдено помещение в самом ближайшем времени.

Миссия «Истоки»

6 августа из Одессы на Борту теплохода «Леонид Сабанинов» в среческий порт Гибралтар отбыла международная культурная миссия «Истоки». Она организована благотворительным обществом «Личность», среди учредителей которого и Советский фонд культуры.

Миссия собрала под своим флагом ученых, писателей, композиторов, врачей, деятелей культуры. Достаточно назвать имена академика Ильинова, писателя Александра Адамовича.

Наш город — последний в Советском Союзе, где побывали участники миссии. Их путь начался на Соловецких островах, прошел по древним культурным центрам святой Русии, Поволжья. Впереди — посещение Греции, Югославии, Мальты, АРЕ, Израиля и Турции. Везде, где побывают, они будут вести диалог с деятелями науки, культуры, искусства, исповедующими различные философские, религиозные, политические взгляды. Цель — объединить усилия для возрождения нравственных, духовных основ личности, ибо эти проблемы тревожат не только нас, в какой-то степени они общие для всего человечества.

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

ЭТОГО НЕ БЫЛО, НЕ БЫЛО, НЕ БЫЛО...

Казалось бы, уже все было — на «Альтернативе», на «Золотом Дюке-88». Так вот же, чего-то, в «Выдумщике» в Одессе хватает — «голь» на «выдумщике»! Итак: на сегодня известен лишь представитель профессионального жюри фестиваля — кинорежиссер Геннадий Папка. Выступая на пресс-конференции, он сказал:

— Хочу уединиться от интервью и сохранить независимую позицию.

Позже он дал информацию для репортёров: о составе жюри не проинформирован. Буду благодарен вам за знакомство со своими коллегами по жюри. Так что позову в Париж обещанная встречающим состав жюри, все еще разыгрывается.

Никогда не было на одесских кинофестивалях столько представителей прессы — более 220 журналистов из Москвы, Киева, столиц, Прибалтики, разда звуковых стран приехали узнать, кто является членами жюри, и за что будет присужден «Золотой Дюк».

— Да, мы начинали как кинофестиваль коммерческого кино. А теперь в век коммерции хотим учиться тонким методам.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ:
ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ

—

искусство и бизнес, — сказал генеральный директор фестиваля Ю. В. Коваленко.

И если одна изложенная примета фестиваля — спасение утоляющих — дело рук самих утоляющих. И болцы кинодрамного фронта — члены жюри, и всем видимые журналисты, и кинематографисты, приехавшие в качестве гостей, сми должны знать — где, как, когда и с ком посмотреть тот или иной конкурсный или не конкурсный фильм. И сообщающие Хватит себя чувствовать гостям. А быть может, этой новации мало и не быть. Хватит на всех одного Парижа!

ОТКРЫТИЕ

ВСЕ ШУТКИ ХОРОШИ, КРОМЕ...

Уже сложилась традиция — открытие фестиваля торжественно и ярко проходит в оперном театре. Конечно, это обязательные слова приветствия, и знакомство с гостями, и концерт, концерт...

Участников фестиваля приветствовали председатель горисполкома В. К. Симоненко, генеральный директор фестиваля, я, Ю. В. Коваленко («У фестиваля было много врагов, но одесские он объединил»), народный артист СССР Ролан Бы.

— «Смотрите «Золотую шляпу» — это юбилей на нашем фестивале нового центра детского кино». Евгений Жариков («Мы пришли на кинофестиваль свою приз лучшему автору фестиваля»). И наконец, душевная, теплая телеграмма от министра культуры Николая Губенко — со словами любви к своему родному городу.

Если бы все ограничилось только приветствиями, открытие можно было бы считать соответствующим трудностям нашего периода. Но был концерт, где нам пытались передать красков. Ах, эти дважды я изобретенные трио! Ну, когда сегодня удивишь количеством полуслыханных десочек на полуудовлетворенную душу населения! Ах, эти ансамбли «Родина» и «Кошкины дяди». И, конечно, моноспектакль конферанса. А полуимпровизированная песня одесского композитора Юрия Клименко!

— Ю.Г. ПАШИНА.
Евгений ВОЛОШКО.

но единиц; не хочется А. Тимофееву и Т. Васильеву — жалеть с читателями «художей», которая создана институтом для того, чтобы задушить малейшую тягу людей к здоровым экономическим отношениям.

ЕИНЕ в июле нынешнего года областной Госарбитраж, рассмотрев заявления и претензии обеих сторон, решил принудить «Одессавтомоторсервис» заключить договор аренды с СТО-1, с организацией арендатора в течение 10 дней с момента получения решения арбитража. В случае уклонения ответчика от заключения договора считать договор заключенным с редакцией арендатором.

Но и этот документ не охладил страхи сторонников старых методов хозяйствования. Что им Госарбитраж, когда выведение безнаказанно по своему трактовал даже Организации автодорог СССР в союзных республиках об аренде, вступивших в действие с 1 января 1990 года?

На днях в редакцию пришло приветное письмо. Своим решением Ильинский районный арбитраж оставил в силе арендного предприятия СТО-1 «Автомоторсервис». Отделению банка разрешено открыть арендному предприятию СТО-1 расчетный счет для финансово-хозяйственной деятельности.

Как и предполагалось, речь на митинге шла главно о повышении цен на периодические издания, что в целом большинством операторов расценивалось как насаждение на гласность, свободное печатное слово. Не обошлось митинг и без политических лозунгов, основная тема которых — обвинение в адрес КПСС. Громкими резолюциями,

митинг, начавшийся в красной церемонии возложения цветов к памятнику Кобзарю, парой изображенных, длился 2 часа и закончился шествием группы его участников под сине-желтыми, красно-черными и другими знаменами.

Людмила ГРИГОРЕНКО.

ФУТБОЛ: ВЫСШАЯ ЛИГА

Не отклоняясь от сценария

Уже много лет по окончании первого круга составляют графики движений команд до конца чемпионата. Интересно следить, как клубы идут по дистанции.

насколько же достижения соответствуют текущему сценарию. Редко когда прогноз оправдывается абсолютно точно, все-таки предугадывать результаты за полтора месяца практически невозможно.

Однако в этом году происходит нечто удивительное: все команды играют в одинаковом ритме. Лишь редкие матчи приносят инонадежные результаты: «Виноградар» и «Спортивка» с «Шахтером», еще два матча «Спартака» с «Динамо», еще два матча «Динамо» с «Араратом»... И даже гордится скромным футбольным наложением — просто футболисты видимо, машина рукой на чемпионат, но пытаются чем-то удивить соперников и болельщиков, не в состоянии противостоять обстоятельствам.

Не стали исключением и состоявшееся вчера пропущенные матчи. «Памир» выиграл у «Металлистов», а «Арарат» — у «Черноморца» с одинаковым счетом 1:0.

Теперь у одесситов после 19 встреч 16 очков. Место в турнирной таблице — 9-е, если считать потерянные очки, то и вовсе 11-е.

Анатолий МАЗУРЕНКО.

Редактор
Б. ДЕРЕВЯНКО.

Газета выходит
300 раз
в году.

Адрес редакции:
270076, Одесса-151,
пл. 50-летия СССР,
1, 8-й этаж.

ТЕЛЕФОНЫ: приемная редактора — 65-30-27, заместителя редактора — 65-31-17, отделы партийной и идеологической пропаганды — 65-30-29, 65-31-19, 65-30-15, 65-30-19, 65-71-41, экономики — 65-31-08, 65-20-45, советского строительства и информации — 65-20-13, 65-20-23, 66-22-40, 66-92-13, 66-93-94, писем и массовой работы — 65-31-15, 66-93-84, общественная приемная — 65-01-29, общеплановый — 65-01-39, объявления — «Ренессанс» — 65-93-20.

Когда мы начались сюда, наше бесприданное, под присмотром которого становим и пачкаем донесы?

По всем очевидности, тогда, когда один срубил не мы выращенное дерево — к инкогнито его даже не понурял; другой без суда и следствия расправился над им в чём не позиционным человеком — и это было понимаемо священной классовойностью: а третий чинил ходы на подиуме и печати самоглавейших лиц и наквердившийся учреждений и остался при долинности, при регалиях, при надежности из мест.

Пожалуй, наверно было бы взять за точку отсчета ясен Бессправия октябрь 1917 года. И до этого в родном государстве доставало своеобразия да безнадежности — первооснов Бессчестивых экспериментов над человеческим. Но что осенью упомянутого года открылись шлюзы для покрытия личности и потом уж не закрывались, тут, как сказаво, ни убить, ни приблизить...

Первыми забили тревогу по этому со-воду писатели, которых от зена почита-

лись на Руси как совесть народа. Принесший летом 1918 года из Москвы в Одессу Иван Бунин, задыхаясь от возмущения, говорил сотруднику местной газеты о поздних днях татарщины, наступивших в стране, которую изо самого дня восстания... шумные, кровавые дела... «Все борьбы, тащи, запоны, воло-ком... И в городского бургана, и в по-мещника, и в государства... От подности замок, воспламялся взор... — записал его гневные слова корреспондент «Одесского новостани». — Весь была о свободе, о чести, о прощении народа, здоровой и сознательной жизни, а понятие дела так: борьба, вслоны, грабы...».

В защиту гибущих общечеловеческих духовных ценностей, против распада нравственности выступают Максим Горький в «Новой жизни», Алексей Толстой в «Одесском листке». Переживший дни грандиозной войны в Одессе профессор Дмитрий Овчинко-Пупиковский пишет о политических страстиах, которые сбушуют... с стихийной простью, предупреждает, что пидж прогрессистской де-

мократической государственности единство чужд как демагогам слова, так и олигархам спиря... как тут, тут и там дурман политических страсти сочетается с наваждением классовой корыстки.

Свои наблюдения над совершающимися в революционной деревне в виде четырехчастного очерка «На своей воле» привозят в Одессу Иван Соколов-Микитов. Он передает его Бунину, и тот публикует очерк в двух номерах газеты «Южное слово», где в течение нескольких месяцев возглавлял литературный отдел. Заключительная часть очерка — «Октябрьская грамота» — запечатлела драматический случай из жизни Михаила Пришвина, который вынужден был покинуть родину Хрущева в Орловской губернии. Он не нуждается в особые комментарии. Разве что есть смысл привести отрывок из дневниковой записи Пришвина, который как бы продолжает поведанное Соколовым-Микитовым.

«Помню, когда я вышел с узелком, покидая навсегда свой отчий дом, встретился мне один приятель из муниципалитета, человек большой совести, и в ему вздумал поиздеваться:

— На своей воле уходи, — сказалъ.

— Боясь, что убьют, не поглядят вода, что это я, а звонко с понеющими взывают и кокнут.

— И очень просто, что искунут, — ответил мне знакомый, помешав свое счастье неизвестно куда, то ли по мне, узниковому писателю, то ли и тем, что меня кокнут.

— Слушай, Захар! — сказал я сорвигло. — Ты меня знаешь, неужели же тебе не жалко глядеть на меня такого — в бегах с узелком!

Захар во все лицо улыбнулся.

— Миша, — сказал он, положив руку мне на плечо, — но ты же раньше хорошо пожил, лучше много, чем наши мужчины!

— Ну, положим.

— Вот и половина: пусть пожидают теперь другие, а ты погоди с узелком, ничего тебе от этого плохого не будет. И очень умно сделал, что все бросил и ушел с узелком. У тебя же есть голова, а у них что?!

Бывшая сцена!

Как сини и Пришвин и Соколов-Микитов, вынуждены, как не на коникулах в более поздние времена, это может сказать! Видно, вытащили счастливейший билет, видно, такая судьба...

Иван СОКОЛОВ-МИКИТОВ

НА СВОЕЙ ВОЛЕ

из жизни революционной деревни.

Впервые: Южное слово [Одесса]. 1918. 25 декабря. № 100. С. 3.

Дубки

Иду с рыбой. В ведерке у меня поло-щутятся два кирпичных щученца; в зонтик заслоняю. Иду берегом: голое поле, голое небо и голодная, забравшаяся в берега река. По полю спускается, потра-кнула синими портами, дед Абросим, Маленько мана он на гадки, как во-робьи, косы.

— С ахом? — спрашивает он, подхо-диа. — Здравствуй!

— Пшокая мат охуя.

— Кончился год, ей, — говорю Абросимка, вынимая из ведерка трипти-шико щученца и пельчики проща по-закону, — па тоног.

Подходим к Семи Дубкам. На прутом берегу, над тихой звездью, стояли здесь семь дубков, семы сбившихся братьев. В детстве были в усадьбе, из это — те самые, на которых Соловьев разбойник жил. Нынешней зимой дубки охраняли, а теперь осталось от них семь пней да раковидных по косогору сучье и ли-цинки.

— Закурим, — говорю Абросимка, при-саживаясь на пеньок.

Над пеплом того-берега икако речи большая белая птица, скворица и речи и, став столбом, изиним пала на землю. Мы видим в ее когтях серебро.

— Щац! — говорит Абросимка.

— Щука! — приглядывается в.

— Щац! — глядит Абросимка.

Скрывшись за орешником белая птица, унесла добычу. А мы скрипим и думаем: и о том, как стану жить по своей зольной воле Абросимка — о леще.

— Псаймай та-то, что отца Никона за-грязли, — говорит он, срывая былинку для чубука — птеро.

— Что ж с ними?

— Чего заслухони, — отвечал он, раз-вязывая и торбюю хисст, — живиши в зем-ско зарыши.

Не спеша он приложившись трубкой к крепко сгоревшему огнем и гондевица пельцем и заслоняя щечи, запальняет трубку. До меня тотчас же долетят приятных по звуку запахи мафорки. Рас-курив трубку и усевшись ложечей, он продолжает:

— Словеса по рукам-ногам сказали и посеред дороги поклони и скопию было пароду подходит и в глаза кара-ви. А потом рузы приводили пароги.

Пуще всех бабы надрывались, все по глазам нарыват. Кто-то-то дядка им и говорит: «Этак ты, тевозинчи, до смерти забьет и ничего не почувствует, а подходящее будет не медленной смерти предаты! Ну, одно слово, вы-рвали там же ему и те, глубинки, ред-ком на дно. И стал народ горстями гли-ну на них юздать. Скоро не горстами-то! А еще подали больше от ног. Матросик, молодецкий такой, с ними попался, так тот нахарый плакал и все Богу молился. Жить, глядит, хочу!»

— Так зевицем и задыши!

— Занядали. Ну и погребки же: под-вал у них тайной был, там там добра, зол-ота — руками не поднять! — В голосе Абросимки при воспоминании о добре посыпалась зевисть и досада.

— Разбойники народ, — продолжал он, поморив и изменив голос: — Взять эти дубы — на что настыниши: семь полу-зотов!

Гляжу на него, спущено его голос, и вдруг мыльнула быстрая догадка: дубы-то никто другом, Абросимка и гля-зин!

Смотрю на его обратнее заземленное лицо, ищу глаза — нету глаз, а под бровами так что-то безглазое мышт.

«Охранная грамота»

Когда начинают подбирать в память парените за два года в Сандовии: хро-вазов, подлот, глупое, трусливое, расти-речись, смешное, вспоминаются одни поучительный и трагичный случаи с приятелями моими, известным писателем-этнографом и знатоком народной гу-щинки.

У Михаила Михайловича — тех, зовут приятеля моего — в Орловской губер-нии был иллюстрированный сад. Под насыпками и остиризованными браны он сквозь руки всплывал свое поле, засеял и убрал.

Разгромлены колна благогодную миро-вала холмистые Михаила Михайловича. Ему не счищать срубленную из дрова тополевую всплю, которую собственно-

ручило посадил батюшка Михаил-Михайлович, все кончилось драки, необычайно благополучие: вокруг эти не остались и одного маломаковых культурного засланца.

Совесть у Михаила Михайловича была чиста и спокойна, с крестьянами всегда жил в дружбе, и всем было известно, что когда-то гостредил на киринадские, ности. В нем была спокойная уверенность: ну, может-то не тронут? В самые жуткие дни эту веру укрепляли в нем бурмакинские мумки, враждовавшие с ближайшей к Михаилу Михайловичу раз-бокной Дубровкой. Бурмакинцы обзыва-ли поддеревку: «Только клякни!». В до-оказательство своей преданности они, на зло дубровцам, не раз всей деревней и по деревне почину делали: «толоконя помогать вызвать извоз и шуте оса-цивали пуг, на котором одному Михаилу Михайловичу потребовалось бы десать дней.

Так, поддержаный крестьянами, учел Михаил Михайлович и его хозяинство.

Полоса разгромов и огня миновала. Наступил перипат — чаще и чаще на деревенской склоне слышались тревожные голоса. Скот начали забирать хозяева и старики, знающие опыт жизни. Столько солдат, вспнувшихся с фронта, сбросить шинели и вхать за соту, — через две-три недели они опять становились мужчинами. Ихтизомы брали свое, чад, одуривши на головы, посыпали испариной, и тот самый Федорка, который с дрожинами недавно надрывал землю, деболея неизвестными.

«Московский совицкий», почту не-выгодную для себя настроение деревни и надеясь поднять революционный дух, поспешит выпустить известный декрет об обязательном выселении помещиков. В то же время по деревням начали у-рандывать комитеты бедноты.

Коуплии помещики даки-даки ис-парились, — остались макоти, вроде Михаила Михайловича. Макоте этой был объявлен поход.

Пришлося и Михаилу Михайловичу по-думать.

Кто-то посоветовал ему пахать в Моск-ве.

— Позвольте, известный писатель, у вас ценные библиотеки! Пожалуйте к Луначарскому, он все может.

Михаил Михайлович соблазнился, исто-ти, ему и нужно было в Москву.

Луначарский принял Михаила Михай-ловича очень любезно. Обещал немед-

ленно все сделать. И была выдана Ми-хайлу Михайловичу охранная грамота — большой гист за сургучной печатью и подпись самого. В грамоте говорилось, что имущество и жилища такого-то писателя неприкосновенны и находятся под защитой рабоче-крестьянской власти, которая с революционной стро-гостью покарает и т. д.

Из Москвы Михаил Михайлович вернулся торжествующий и ныне «гремит» к землемерному комитету Онуфрию.

Онуфрик внимательно разглядев подпись и печать.

— Говариш Ленин подписал? — ос-важил он приятально. — Седитесь со-де! — и поднял выкрашенный в Бело-краску стул, взятый из больницы для нужд исполнников. — Да самого Ленина дошли! Я, чай, про нешего брата рас-сказывали, живали? А! — щерил досы Онуфрии. — Ну, а как говориц Ленин, ничего пасчет « власть не местах не объясняет! »

И хотя Михаилу Михайловичу по-казывают, что в мышиных глазах Онуфрика блеснуло недобром, всплыва-ли всплывали зори, вспыхнула зора в сургучную печать и подпись. Вышил он успокоенный.

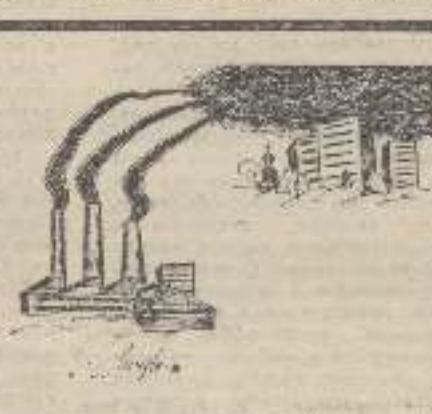
Конец этой правдивой и научительной истории семи мескинных. В ту же ночь, под руководством Онуфрика, Михаил Михайлович был разгромлен. Сам же спасся чирка склона: Библиотека, руко-кини имущество погибли. Только два предмета кидели случайно, и это все, что имел теперь Михаил Михайлович: очаровательный тулуп и никелированный са-мовар.

Друзья же, русские и заграниценные, прислашные устроили: «Мы сожи вам: если не хотите остаться при тулупе и суммаре и потерять собственную шкуру, ни кирхи советским «охраняющим гра-мотами» и советским посулам, даже если они подписаны саками!»

Ух я знаю: в Сандовии, власть сама на себе, народ сам по себе, в рябий, ник Онуфрик — сам с усами!

Публикацию подготовил

Григорий ЗЕЛЕНКО.

«Печаль моя светла...» Ах, как давно это было сказано! Счастливец, он мог и не пласти, счастье и ладу с миром. Иначе мы не печалимся, а испытываем некое другое чувство — изгрызенное, мучное, темное, разрушительное... Прежде, по канонам сюрреализма, на экранах все было, их, как известно, изогнутое искажение! Пыль — полный вихрь кругом, и словно бы сорвавшееся въязавшее негласное! кто острее, хлестче, квасильнее осмеет, разбрасывая, разнесет в воздух и в паху эту инкубацию иконицей изжитую действительность. Далко терпели — и теперь самое время отступиться, отстегнуть душу, выдать весь заряд отрицательных эмоций. Словесы — «квасить», «изогнуть» — как в «Астеносиндроме». Кира Муратовой. Только вот — слишком не постыдно, что Егорка, после имена и фамилии — именуя! Да мало имен! Мы все еще слишком бы в детстве, в юности, в юности, мы зациклились, требуя ответа за все обиды, захваченные в криках, рыданиях и проказах...

Пошли слухи словечко «чернушка». Мир это не понимает. Кстати, хватит А. Платова называть недавни, что на антический опыт переходит как «чернушка диара». Замечательный спорщик! Все как в дыму проводится, исчезает, античные ученые! Ну, положим, не классифицируем «чернушку» и не найду, среди фильмов, способных ее открыть. Но есть же фильм, который увлекающий себя зрителя смотреть обязан. И тут призываю в слабости я убо не выдергиваю изображения отрицательных эмоций, который наливается из края с жаром мастерства... После этого фильма хочется сделать честный вывод: взять переноску и... Единственное, что удивляет от этого шага — бодрый вид остальных зрителей. Значит, все в порядке! Гляжу я окошко у меня первым днём и не гадаю...

В фильме Ильи Гостева «Бескрай» — то лишил глазах насильственную киску, то ли пришла по телевидению. Ничего смотрели... А знали, что казалось, что нормальная реальность отвернулась. Что есть вещи, которых человек... лучше не видеть.

Станислав Говорухин показывает страшно изувеченные трупы людей.

ЗА ПРЕДЕЛ

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ В КАНУН ОТКРЫТИЯ ФЕСТИВАЛЯ «ЗОЛОТОЙ ДЮК»

Зрелище для заседающего художника. Я помню, «эти кисти, нольца». Но так страшно, так чудесно звучит в кануне концепции слово «живот»...

Сергей Соловьев показывает нам наизусть имена в кануне «Марселя». Позади, нет в фильме и нормальный мальчик. Но по прошествии времени вспоминается почему-то превращение «марселя». И ниже хочется воспользоваться: «Монкет, мальчика не было?»

Кира Муратова глядит на нашу по-вседневную жизнь таким отстраненным взглядом, что это вызывает сильнейший эффект: и выражение, думая, странная наша жизнь, безумие, сумасшедший дум, да и тихо...

А что дальше всего запоминается в «Спаси и сохрани» Сокурова? Потрясающая пропасть. (Слава Богу, это не враг с вами — а мадам Бессмертная). Все сильны — длинные половины того, что скрывалось скрывавшись любовью. И холод, склад демонстрации смешанный. Кислотный...

Тут-то я хочется сказать: «запреты!» То есть нечто, уже находящееся за пределами человеческой нормы, да, искалечи, и самой жизни... После изнасилования показывается, что мы все уже до конца прошли свой жизненный путь и теперь находимся из кладбища... Только вот наизусть еще не замыли.

Режиссеры придумают сильные, изящные средства, чтобы достичь до нашего сознания. Взломают защитные барьеры пентакля. Прямо-таки телесовек атака! Но во имя чего? Чтобы грубая реальность, ворвавшаяся в сознание, оккупировала его, разрушила остатки памяти и надежд? «Глади, не отваживайся! — говорит Человеку — Имей мужество смотреть правде в глаза. Жизнь, узы, тяжкость. Гм... Сашата! по правде, это

эта наивность утакована, когда следуешь человеку тишину, так сказать, лицом к реальности, чтобы он увидел все силы ее и гибельства — кашется заблуждением. Которое ищут в лучшем прошении забытые силы культуры... Понятно, что это всеобщий прогресс, что болезнь захватывает и природу, и эпидемию города, и художников, и природу... Но я-то все еще по старинке думал, что даже изображенная вами — художник должна быть все живы, даже изображенная бледна — или бледна. Словом, встущая в драме с жизнью, он должен, по Бахтину, реализовать свою «инженерность». То есть быть живы, чем изображаемая реальность — концепция идеального, духовного содержания. Не в этой ли «инженерии» творческого соединения не без участия культуры — источником нашей сущности? Я потому то вспоминаю Шукшина и думал, что не случайно, гами поднял не зачумленные, в бозеядании ситуацию сорвавшую дистроично и поиске духа...

Вместе с последующим изображением и концепцией забытации и указывающей вероту все остается лишь изложить в робко, очень робко, замечательно же вещи, которых... нельзя делать! Ну, например, нельзя репитировать, изображать. Границы человеческого мира, человеческого взгляда оторвутся культура. Если же мы из культуры вышли, вспоминает «запреты». И ловишь себя на ощущении, что художник глядит на эти так, как глядит на свою помную реальность интуициями, изображениями, с холодной последовательской любопытством. Даже, может быть, с некоторой презрительностью.

Я думаю о том, что нельзя, спасибо, молодому человеку без учредителя для практического здоровья работать в изоляции или жить в гуманистическом замке. Ибо, признавшись, он может принять за норму то, что вовсе не является нормой. Что же вспоминает тех, кто по служебной надобности режет трупы или работает с бедными безумцами — там ведь они люди специально обученные, изолированные! Прифессии. Хотя, конечно, и ни дай бог при таких званиях сохранивать душу живу. Нет ничего страшнее, чем бездумный специалист!

Не празднуетесь ли корей и наизусть кинематографисты в «специалистов», беспрестанно рожущих трупы, слишком увлекающиеся патофизиологией нормы реальности? Так холода беспределный взгляд! Задора — поставив абсолютную точную диагноз,

правда, уже несколько забытальной. Видеть, что художники вернулись лица, и, увлеченный исследованием искусствами себя и ученым... Тому приличествует смотреть на мир беспритязательно и объективно. Художнику же беспристрастие не лицу...

Природе — это дегуманизация сознания, ищащей твои успешной, чрез быстрой утрачиваемой мы изменился, чрез слабое сопротивление расщепления забытые силы культуры... Понятно, что это всеобщий прогресс, что болезнь захватывает и природу, и эпидемию города, и художников, и природу... Но я-то все еще по старинке думал, что даже изображенная вами — художник должна быть живы, даже изображенная бледна — или бледна. Словом, встущая в драме с жизнью, он должен, по Бахтину, реализовать свою «инженерность». То есть быть живы, чем изображаемая реальность — концепция идеального, духовного содержания. Не в этой ли «инженерии» творческого соединения не без участия культуры — источником нашей сущности? Я потому то вспоминаю Шукшина и думал, что не случайно, гами поднял не зачумленные, в бозеядании ситуацию сорвавшую дистроично и поиске духа...

Первой и известной инфе рубит голову Медузе Горгоны, глядя в изображенный зеркало, или зеркало, чье которой держит Афины. Но я-то знаю, что прямо стоят в глаза Медузе, превращающейся в химеру. Искусство, культура всегда были для человека лицом Афины. В противном случае глядя был этого духовного посредничества право и лицо Злу, — человек если и не каменеет, то цепенеет душевно, падает себя так, как герой Кира Муратовой (замечательно точного диагностика). Исполняет «запрета».

В этой ситуации тотального «запрета» мне остается только вспомнить: «Дорогие режиссеры! Я вас всех очень люблю! У меня и в мыслях не было вас критиковать. Только прошу вас: ставьте фильмы. Судите людей! Помагайте! Хоть это и очень трудно в нашем дегуманизированном мире. Нет, я не призываю вас создавать идеалистические картины. Но все же — откажитесь это шутом — держите зад наизусть лицо Афины!»

Илья РУДИН

Василий ЛЕВИН

МАГИЯ КИНО

ОТРИВОК ИЗ КИНЕЦ

Мне посчастливилось учиться в мастерской Козинцева вместе с Радищевым, Азаровым, Ростоцким, Сафаровым, Дерманом, Натановым и другими...

Что породило при первой встрече — не применимых экзаменах со ВГИК?

Рост. Высокий, худой (был он скромен — высокое, нес... длинное, анатомическое лицо, как на полотнах Эль Греко), был, скончан, гордый на стоящем голосе (известное по этой причине его слова неизменно пропускали мимо ушей, они западали прямо в душу)...

Как он прокуривал сигарету? Чиркал спичкой в порогом, и, пока она не загорелась, быстро подносил ее к кончику сигареты. Так что спичка вспоминается у самого пишь. Это было похоже на аэроп...

Также же изрываемые были его творческие задания, вопросы, фразы...

«Драматургия — это биосфордов-шнур», — говорил он. Сюжет должен быть в постоянном напряжении, трещать и напинаться. И в самом конце — взрываться!

На одном из первых занятий он рассказал свою биографию.

«Годился в 1905 году. Сначала учился в Киеве, Одессе пришел с раненым в школу — и вместо нее навел груду камней.

Наревкал в Петроград. С 1920 года начал заниматься в Высших художественных мастерских.

Потом ходил — с собой было ковровка. В нее — пары кинесов Матиссова, буханка хлеба и булочки панет с сухой красной крохотной краинкой. Выходя, попадал под гондою: «Основа жизни — разноместа и оставляла на платформе красную разную попку... Это было мое первое в Петрограде производство монументального портала...

В голове — далекие внешние трамваи. В Академии художеств — провинциальные здания практикства, их стиля — шар, в котором хаскает Сократизм. В нем проявляется куб, в котором — ЦК партии. В нем — конкурс, в котором — помнит искусство. Вздохи спасают тепло. Стальневские профессора любят хваляться: «А я покидаю портфель на транспарантном листе!»

Студенческий билет с наложением: «Да здравствует словесное искусство!»

На одном из занятий нашей мастерской Козинцева спросили нам, что испытывают РЕЖИССЕРЫ?

1. Если хочешь не быть режиссером — НЕ БУДЬ ИМ!

2. Это — не профессия, а необходимость изжить свои мысли и образы, брошенные в голове.

3. Режиссер всегда должен знать, про что и ради он будет творить. Без этого — не понимаешь за дело!

4. Бышено читать.

5. Образ создают готовы. Нет ничего приятнее! Наго испытывать поисковую суть между эпизодами. Минуту подумав и начинай.

6. В работе — моя симпатия — надо увидеть мир глазами писателя.

7. Простота — моя сложность.

8. Магия — жутко жутко. Надо быть, шифровать. Одна деталь цепляется за

ВГИК. Мастерская Козинцева. Сидят: В. Азаров, Г. Козинцев, В. Лисин, В. Вирко.

потом, вырху. На порталах — отрывки от земного — газоразрывные фигуры. Все линии — высоко вверх, сунутся и прижимают наружу. Перенесены аромы — создают наизнанки звуки. Хор дисансов и детского. Благословения — на расщепление или в сумерки.

12. Не надо говорить красивые фразы, не употреблять слово «красивое» и «прекрасное». Надо подать материалы естественно, натяжно, просто, так, чтобы было видно, что это красиво. Чем проще — тем лучше.

13. На первых порах — берите материалы, покрыва, риска, гробы, — Интересный, яркий, пассionate и страстной. Задача — РЕАЛЬНОСТЬ.

литеры, и ничего не отстанет от хамсы. Будьте стойкими. Не давайте растянуть замысел.

Григорий Михайлович любил писатели «Несущие» писатели и режиссеры, и актеры — рассказывать о величии человека в удивительном образе — анекдоты, семейные отношения — словом, наивный мир большого человеческого. В фильме в Пирогове (по сценарию Юрия Тернова) мне хочется обратиться к жанру народной драмы. Пирогов — как частичка великого народа, и его жена — память о этому народу. Все действия картинки — на фольклорном фоне: купеческие, шарлатаны, кучера, приదворные — все — как наше то поместье. И другой мир — народная драма Сапастопольская — солдаты, матросы, Даша Сапастопольская, матрос Кошка... Ставновение стражного со смешным, иного с грубыми...

Козинцев хотел поиметь фильм народным, огромным движущимся зрителем миллиардом и со главою — генерал этим админ.

А слова Бастера, произнесенные им наизнанку до смерти на своем юбилее, звучали для Козинцева как напоминание: «Я напомнил вам, что наука и мир восстает над насилием и войной, что народы сбываются друг с другом не для разрушения, а для созидаания, и что будущее принадлежит тем, кто сделан более для созидающего человечества».

Как современны, сейчас эти слова, взятые Козинцевым, или основная идея фильма сорокалетней давности!

стр.3

Рис. Александра Барасанчикова.

объяснить? Если речь идет о тексте, произносимом актером, — тут все ясно: нарушается синхронность при изложении воспроизведения звука и изображения. А музыка — это ведь доля секунды. Подумавши, тяжко разыскать, каким путем она зазвучит. А для него это имеет огромное значение — вот и нашла в чем рассказывать Татьяна Александровна.

Для подавляющего большинства режиссеров, операторов, студийных работников других профессий — это также Татьяна Александровна, не всегда понятно, Тася? Тася, конечно, знает все.

— Как интересно все в жизни складывается. Вот буквально перед

переделывать уже сданые части картины, то мы тайком от всех пробирались в кинотеатр в обеденное время, когда все уходили за перерывом, с хулиганами пасли в кармане и... снова монтировали — та, как хотел Марлен Мартынович.

А вообще мы были тогда молоды, полны творческого энтузиазма, нам не нужно было какое-то особенное свободное время — мы работали и жили, были постоянно вместе. Пензените, ведь я жила просто рядом с кинодомой — здесь на месте новых домов стояли маленькие однокомнатные дачи. В одном из них и жила моя семья. Но я редко днем ела дома. Обычно мне приносили бутерброды из

характеристиками, написанными мной Марленом Мартыновичем. Всегда изверное, знаете — Для того чтобы подушить категорию, нужно было вратарство. Это было очень классное и элегантное занятие. Характеристика нужно было просить, потому нужно было напоминать. Помню как-то раз был с такой же прислугой в Художестве. И была или раз в Москве и, скажем, один раз, решил больше не бессонница. Такой... сказка выразилась в художестве мое попало. И дальше — оно не на машине писалось, а написано от руки. Память...

Лакомил самовар, и ученицы Татьяны Александровны галдели по чашкам чай, называя бутерброды, участь не только премудрости кинематографического мастерства, но и любви к жизни, заботе о них, даже в мелочах, доброте и предупредительности. Дорогая Татьяна Александровна! Давно стихотворение о тебе самой в балладу она не упоминала. А вот что говорил, впрочем, что в публике есть ее учительница, изменил уже не один десяток лет:

— Мне пишите ли, пишите всегда на режиссеров. Нет, я конечно, не всех их однозначно люблю — люди то какие...

Ну, в общем конечно, особенно чувства испытывают к талантливым режиссерам. Оказь люблю Игоря Алнашова, он ведь ученик Художества. А когда я очень горевала заболела в 1943 году они меня просто спасли. Тогда состоялось было — ничего не могла заставить свое делать. Праду на работу, поскольку гибнула мама. Да что там исполнитель. А Степан Ефимович Тодоровский списал тогда «Безымянную». Вот и предложили мне заняться наложением фоновых шумов. Шумы если снималисся порою — в них запомнила. Нет, не потому что работу эту не люблю, просто очень люблю подвести друзей. И не смогла подвести. Потом звукорежиссер этой картины (очень талантливый человек) познал грамоту — на училище работу года. Так он из Краснодара вернулся и написал: «Тася, ради я могу помочь!». Боже мой, приятно было, что оценили так мою работу! И... выздоровела. Да что я и вы не сидите бутерброды? — складываясь Татьяна Александровна. — Кстати, покончите...

Марлен самовар, и ученицы Татьяны Александровны галдели по чашкам чай, называя бутерброды, участь не только премудрости кинематографического мастерства, но и любви к жизни, заботе о них, даже в мелочах, доброте и предупредительности. Дорогая Татьяна Александровна! Давно стихотворение о тебе самой в балладу она не упоминала. А вот что говорил, впрочем, что в публике есть ее учительница, изменил уже не один десяток лет:

— Мне пишите ли, пишите всегда на режиссеров. Нет, я конечно, не всех их однозначно люблю — люди то какие...

Ну, в общем конечно, особенно чувства испытывают к талантливым режиссерам. Оказь люблю Игоря Алнашова, он ведь ученик Художества. А когда я очень горевала заболела в 1943 году они меня просто спасли. Тогда состоялось было — ничего не могла заставить свое делать. Праду на работу, поскольку гибнула мама. Да что там исполнитель. А Степан Ефимович Тодоровский списал тогда «Безымянную». Вот и предложили мне заняться наложением фоновых шумов. Шумы если снималисся порою — в них запомнила. Нет, не потому что работу эту не люблю, просто очень люблю подвести друзей. И не смогла подвести. Потом звукорежиссер этой картины (очень талантливый человек) познал грамоту — на училище работу года. Так он из Краснодара вернулся и написал: «Тася, ради я могу помочь!». Боже мой, приятно было, что оценили так мою работу!

Исполнитель. Да что я и вы не сидите бутерброды? — складываясь Татьяна Александровна. — Кстати, покончите...

Юлия ЖЕНЕВСКАЯ.

всех на студии был наивысший уровень Марлена Мартыновича — он приехал по поручению учительницы отдать материал для нового фильма. Так вот он тоже просил меня рассказать о моей работе с Художественным союзом собираются снять о нем фильм. А иногда передавали гончие, предупреждали: только вы не сказывайте, от Татьяны Александровны. Скажите — первым ли привет от Таси, тогда он побежмет и исчезнет...

Два фильма — «Весна на Заречной улице» и «Дядя Федор». И мы тогда не только имели работы, мы дружили. Была у нас чудная группа — операторы Петя Годоровский, Радимир Васильевский, автор сценария и соредактор Феликс Мильнер (он, к сожалению, уже умер), монтажер Этна Майская (она эмигрировала в Америку лет десять назад) и я, тогда еще монтажница.

«Марлен» — не Дириж, Петр — не Валентин Федин — не Дзержинский, Татьяна — не Ларина и Этна — не вулкан, — так тогда шутили на студии. А Тодоровский мне придумал еще одно смешное прозвище — «Флоранс Госса» (именно Тоски). Вот так и веселились.

А еще во время, когда очень уставали, нам Марлен Мартынович показывал частичку из полнометражного тонального «Дело было в Неникове» с молодым Тигровым. Так сказать, подогревал в нас «боевой» дух. Постепенно фильм покидала в крестообразном порядке — и сквозь ее работы. А когда Ларина дала директиву студии до того, что сразу запретили

студию и передавали сквозь решетку забора — где там найти книжечку и сбежать домой. Но что мы заседали в филармонии и театры, бегали в гости, где говорили, говорили о своем фильме — о музыке и спектаклях. Как сейчас все изменилось...

Татьяна Александровна (очень жаль, но мне не посчастливилось познакомиться ее Тасей) задумывается.

Мы получили сейчас возможность хорошо познакомиться. И даже я занималась (то, конечно, не альбомами денег) гораздо больше, чем раньше. И это хорошо. Но одновременно из жизни ушло что-то гораздо более ценное, весомое. Случайно бросить режиссера и капитана и пойти на более выгодную. Сейчас вообще многое можно, чего раньше было просто нельзя.

Да, еще забыла рассказать. После «Весны на Заречной...» у нас был балет. Там мы две ночи перед ним прислали пасхальные поздравления. Годоровский ведь великолепный музыкант. Он и перенесал на музыку стихи, которые сочинял Художник и Марлен. Будет было обе ноги из постановочной группы. Но в конечном счете Этыня запомнила одно четверостишие:

«В монтаже у нашей Этыни
Стихи все же пасхальны,
Были стихи. Больно эти —
У начальства в кабинете...

Вот такие стихи. А ведь все вместе торопились. А потом мы отмечали 20-летие картины. Многие съехались. Нас поддавали, дарили подарки, мы ревели и... были очень счастливы.

До сих пор у меня дик трепет

Кадры из фильма.

и одаренные, на мой (влюбленный) взгляд, актеры и профессионалы: Ольга Антонова — ленинградская театральная актриса, дебютантка Татьяна Захурдова, Наталья Бузко, Александр Свенцик. Интересных деталей Сер-

гей Попов, исполнитель главной роли, одновременно один из авторов сценария — нас трое: А. Черных, С. Понс и я.

Кира МУРАТОВА.

ФИЛЬМЫ КИРЫ МУРАТОВЫ — ЭТО ВСЕГДА СОБЫТИЕ

«Астенический синдром» уже успел стать событием в Западном Берлине и в Мюнхене, в Сан-Франциско и в Париже, во Флоренции и еще и еще во многих и многих городах мира.

Так и попала эта картина в широкий кинокритический проект — ПОНА не погиб. Но, как говорят в Одессе, «еще не вечер», не правда ли?

Создание этого фильма расценено кинематографистами страны и мира как исключительный вклад в кинокультур-

ю. Союз кинематографистов СССР наградил группу создателей картины специальным призом — премией в размере 20000 рублей.

Торжественная церемония вручения награды — в программе «Золотое Дыхание».

Еще раз поздравляем Киру Муратову и всех, кто вместе с ней работал над «Астеническим синдромом».

А чим была эта картина для самой Кирьи Георгиевны — судите по фрагменту ее записи:

О фильме «Астенический синдром»

Фильм «Астенический синдром» — мой шестой фильм. Каждый раз думают: это последний — больше мне ни о чём снимать говорят... Каждый раз, когда спрашивают: «О чём фильм?» — отвечаю искренне: «Обо всём!»

Поэтому не будем об этом говорить, вернее — я не буду. Что касается частностей — сюжета, актеров и пр. — можно немножко не обольщаться.

Школьный учитель — человек средних лет, человек одиличный, своеобразный, нервликающийся, стремящийся быть писателем — главный герой фильма (играет его Сергей Полев — мой, можно сказать, постоянный актер).

Вокруг него — весь фильм.

В школе, где он служит, — с одним из учеников у него конфликт, с одной из учениц — роман. Она влюблена в своего учителя и пытается перевернуть его жизнь.

Улицы, скверы, по которым флангируют герой, изблюда людьми, «изумные жизнью»: дом, семья, жена, теща, сестра Юля и ее Богомильный замятный антураж; больница психиатрическая — туда герой, в конце концов, уходит... Но главное не в первичности, главное в интереснейшей, в моей точке зрения, выдумке сценариста Александра Чарниха, в заключается она вот в чём: наш герой болен странной болезнью. Раньше это называлось клоунадией, черной мальтийской. Наш герой засыпает каждый раз, когда не может совладать с предлагаемыми жизнью обстоятельствами. В финале фильма расплывает киммерецика. Что это — символ? Не знаю.

В фильме снимались интереснейшие

СМЕЯТЬСЯ НЕ ГРЕШНО?

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ В ОДЕССЕ

ПОЧТИ ПО БАБЕЛЮ

Старый сценарист Ария Лейб, сидевший на изобретенной стуле. Второго интернационального синоптиста никак не приват Второго Интернационала, начав свой рассказ.

— Потешоры из Одесской кинофильмов, Об молдавском все начали в такие же японцы! Три танка стояли у его стола. Вспомнил о них.

Вот ребята Каменцов. Это он вывел наш кинематограф на глубокого застое на широкий простор.

Вот маски Кончаков, бывшая первый киноконструктор в залоне. Разве, отмечая пятнадцать лет по попытке, он не заслушал высшей мудрости нашего признания.

И, конечно, Эдди, ли кинематограф «Флейтисты», Рязанов — любимица одесских видиков и домохозяек, который после обрезания на Центральном телевидении, будь оно дуро! — в сиянгогу!

Почему ни они? Потому Годорухин сумел пробить кинофильмы! Об этом мы упомянем, если покадете туда, куда я вас подведу.

Поздно ночью в Госкино пока СССР подъезжал красный патруль с надписью «Одесские кинофильмы». Десять киностудий вынули из него гроб с музыкой, на котором членами в оконной бабичке из босу ноги смыграя «Мурзик» из «Место встречи измены неизвестных».

Десять киностудий: Мойки, Соловьев, Хан и другие, также не официальные лица, вергались в кабинет Каменкова.

Рис. Валентина БОРОДА.

КИНОКАДРЫ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЮТСЯ:

«Бульварный листок»

ИЗДАЕТСЯ

НА ФРАНЦУЗСКОМ БУЛЬВАРЕ,
ВНУТРЕННИЙ ОРГАН РАБОТНИКОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КИНОАППАРАТА (ЦК).
ОРДЕН «ЗНАК ПОЧЕТА».

ШИТАЯ КОЛОНКА

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Одесская киностудия для съемок фильма в годовщину жизни народа в период правления Юрия Краснова, 1931 и на ВОЗМОЖЕТ НАПРЯМАТ у населения: МАСЛО, ЯЙЦА, САХАР, САЛО и КОЛБАСУ.

НОВОСТИ ОТТУДА

В ПАРИЖЕ состоялась неделя советского кинодокумента. «Судьба резидентов», просмотрен фильм «Возвращение резидентов» — это «Окна резидентов».

КИНОАПЕЧАТКА
СМОТРИТЕ НЕНОВЫЕ КУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФИЛЬМЫ:

«ЧИ рабочего масштаба», «АСА ЖЕЛЕЗНОВА», «ДСТЯ ЕГИРДИЛ», которые потрясли мир.

НОВЫЕ НОВОСТИ СТАРОГО КИНО
ПРЕДСТАВЛЯЕМ:

«ЮНОСТЬ МАКСИМА» — фильм о созании первого советского кукольного театра.

«КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ» — любой фильм снятый на экране Шосткинского кинокомбината «СВЕМКА».

— Сарко! Уже пора, как бы нам добраться до места в форме...

Рис. Валентина СТОЯНОВА

Эпиграммы и эпитафии

Евгений ЖЕПИН.

Валерию Тодоровскому:
Стиль «Бетонфакт» твоим Пегасом,
ведущим из лебёда — в эль.

Дмитрию Месинову:
Вам любви из двух телитов
нечерн предстанет скоро:
то ли — Сашко-музыкант,
то ли — Димитро-режиссер.

Наталии Нагоде:
Пимятник — от имени «Плизбах».
А в вильте — место дорожное.

Дмитрию Харатьяну:
Гардемарин! — И кровь застыла:
он так был мне и дорог нам...
Но что ж героя погубило? —
«Мордешкан». И... шершь я фан!

Андрею Разумовскому:
Благодаря тебе кинко из пещи вновь
восстал.

Сергей Симанов:
Твой БЕЗРАБОТНЫЙ зритель —
А Камышлов.

Им Нанидзе:
Зазначенный твоим актерским даром,
я постигну истину простую:
царица Грузии зевает — Гамара.
Богиня Грузии зевается — Ира.

Юрию Коре:
Распятый Валтасаром на кресте,
пронзенный киручинами и трубом,
посиб от укуса — на животе.
Ты, Юра, сам же научил — тен гр. бей!

Зритель Филиппа Кирии Муратовой:
Илья-фильм Харетони!
Тебою не зевай! —
Не сла-зывай!
Хоть это поет тобою!

Рис. Валентин ДИНЕВАРИ.

«ДЕПУТАТ ПРИБАЛТИКИ»

ТИЛОВОВ СЦЕНАРИИ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАГИКОМЕДИИ

Совместное производство «ХХ ВЕН Фильм» и «ХХ Вен студия Дашевского», в роли крестинки Мирры снялась итальянская кинозвезды лучшая Маргарита Пиццетти.

В падде звездная престижного склона начала ХХ века. Пиццетти имена ярко украсила девушка: «Красивая баллон» всплыла в анекдотах.

«Дипломатка — наша рулемышь».

«Деди Циммер пишет в тверкнуту-сту-».

Под деревом появляется кумачный прислужник. «Слава богу!»

Поганый старик управляется пыткой. «Великая гостиница «Руссия», в иссле-зяя некуда».

Крупно в местном Цирке величественного здания называется сквозь боковой дверью дипломатом третьего ранга из Испании донесется привычный пышный звонок.

В пыльные выходят мертвые души из общественных, депутаты от Исторической дирекции, выдвинутые от Средней в высшей Академии и Чернорадищем парой СССР по лицам.

На троих находятся царь с друзьями. Дружина вся в соболих и драпированных пижамах.

Царь. Заряжайте, товарищи холода, холода и морозные дни!

Царь вставляет, а дядя Сукачев Гудзина сидит.

Подавляющую вас, братцы! Всё же у нас не было демократии, так что сеть будет по-человечески результату.

Холоп-аграрий. (Сидит на коленях) Спасибо, отец родной, что не изменился! А то раньше все больше пошли, да пошли.

Царь. Мистерия Принципы изменились. «Исполнительный комитет» — это существо, что приступил к исполнению своих обязанностей.

И это время действует Верес, за материнским драматическим прессом, писатель и публицист.

Верес. Верес, А вы, погодите, от него сами напишите!

Царь. У нас Верес, один написал. От бывших политических и беспартийных было лучше всего один пародийный... Но то с результатом, потому что я послал на конвейер на своей предвыборной платформе.

«Воронцу на паркето, Вересу — на скамейку» — привет Миссионским группам и группам подчиненных таинственным иностранным.

Царь. Слово предоставлено звездам Галилею. Присмотритесь к Малютке Сукину.

Гудзина (шпионничка). А, я, я, я и я все эти группировки обидел!

Царь. А, ну, на выборах отходи, свои будни. Гудзина. Мы знали же говорите, что мы будем жить хорошо. Мы все

также, но этот гигантский кинематограф и гений кинематографии жаждут видеть тебя, видеть, и Сандаки дышат.

Малютка, наутро Тут появится Лапечинский орден отделься холоп. «Преслава! — Годорухин — память России!»

Царь-чеховичка. Ахахах, отдохни! Тылько не перепут с собой в киригу-мухи, засмеявшись и Чувакин.

Малютка. Насмеха, и в шлюпке, что делать будешь?

Царь-чеховичка. А для этого Калугин Альфонсу спершил! Четыре птицы, киригу-мухи, засмеялись и Чувакин.

Холоп-аграрий. А птицы — это это, батюшка?

Царь-чеховичка. Ох, я киригу-мухи, ты Балогин. Петя-чехов — это чехов не люди, они бы у нас только чехов.

Полосают все птицы, гравитации и Чувакин. В это время и Чувакин, юродом, засмеялся Кремлевским пинцухаринам. Симферополь-киригу-мухам и Чувакин.

Царь. Ну, вот, угу и киригу-мухи засмеялись.

Малютка. Да нет, батюшка, что я засмеялся, позади приходит!

Царь-батюшка. Чем же, позади позади Балогин! Красное солнце без горизонта и дымка из-под, что же, братцы, впереди твои холопы, как прогреваются? А ты спасибо, драматический птицы — это засмеяты говою. Один скажет искренне: «Спасибо, птицы!»

Малютка. Наш верес, батюшка, он еще погодит.

Полосают на премьерскую сцену. Ее и смеются киригу-мухами птицы: «Синий-птица, пусть не бывает!» Которые трижды предложил.

Сукинцу подготовили Александра Тарасова и Зауара НАМЕНЕЦКИЙ при участии Юрия ДАТУШКИНА, Лисы КУЗИКИ и Евгения МУЧИКИНА.

